

Урожай

Прошла еще неделя. Если не брать в расчет тот факт, что научные отчеты Фарфадэ несколько раз возвращали на доработку, его обещание, данное Хельзе, исполнилось точно в срок.

Как и следовало ожидать, не все в Загоне отличались благоразумием. И далеко не все были наделены острым умом. Те, кто привык полагаться на рассудок — вроде Адама, — прекрасно понимали: не стоит хитрить с купонами, к которым лорд относится с таким вниманием. Адам обожал досаждать по мелочам, но никогда не стремился навлечь на себя настоящую беду. Что? Вы скажете, он оказался здесь именно потому, что устроил большой переполох в мире живых? Ну, это не так уж важно — сейчас это был вопрос исключительно его личного отношения к делу.

Все те недальновидные дельцы, что пытались нажиться на чужих свидетельствах, выманивая их обманом, были буквально взорваны в тот же вечер. В самом прямом смысле этого слова. Фарфадэ, скрестив руки на груди, с нескрываемым удовольствием наблюдал за развязкой.

— Видишь, как любопытно? — обратился он к Виладуану.

Если бы не его совершенно бесстрастное лицо, рыцарь, возможно, даже нашел бы в себе силы улыбнуться в ответ.

Лорд не зря тратил целые дни, вычерчивая причудливые знаки. Следить за каждым обитателем поместья лично не хватило бы никаких сил, а перепоручить это другим... Что ж, все и так были заняты делом. На деревянных купонах были вырезаны новые алхимические руны в форме трех молний. Они символизировали нерушимость клятвы и запрет на любое мошенничество. Если кому-то и впрямь требовалось обменяться свидетельствами, сделку должны были официально подтвердить все три матроны. Кроме того, правила гласили: это вовсе не игра в духе «я срублю лучшее дерево, чтобы построить себе лучший дом»... Всё было иначе.

В назначенный час в работу включались все, и все заготовленные ресурсы переходили в собственность лорда, становясь общественным достоянием. Лишь после этого древесина распределялась для строительства. Любой хитрец, пытавшийся подсунуть гнилье или древесный мусор в надежде получить купон, разделял участь тех самых спекулянтов.

Разумеется, те, кто не успел накопить достаточно свидетельств, могли оставить их при себе до лучших времен или обменять на что-нибудь другое.

«Немного утомительно, — размышлял Фарфадэ, — но это лишь временная мера».

Он мысленно пересчитал накопившиеся дела. Первое и самое важное — урожай. Пшеницу следовало распределить так, чтобы в первую очередь обеспечить замок. Учитывая, что рабочих рук со временем будет становиться только больше, после нынешнего сева им крайне пригодились бы качественные удобрения. Если удастся добыть подходящую подкормку, это станет огромным подспорьем для повышения урожая. Сейчас, конечно, время уже упущено, но можно надеяться на следующий цикл, который начнется до конца Сезона серого тумана. Продовольствие всегда оставалось самой острой проблемой.

Затем лорду требовались ремесленники, грамотные помощники для ведения бумаг и, конечно, новые люди. Но всё это было невозможно без надежного запаса зерна.

Голод в мире живых и голод здесь — вещи разные. В этом месте безумие от недоедания вполне могло довести до каннибализма. Возможно, лишившись защитного панциря из плоти, душа становилась слишком хрупкой и уязвимой.

Остальные заботы — ремонт обветшалых пристроек, введение постоянной валюты, поддержание порядка и развитие поместья, а также проекты по изучению алхимии и ритуальной магии... Всё это он держал в уме, стремясь к планомерному исполнению.

С валкой леса можно было не спешить. Фарфадэ верил, что для этих мужчин и женщин, привыкших спать в тесноте общежития, сама идея совместного строительства домов будет новинку. Здесь, в вечной прохладе Преисподней, они переговаривались во сне, лежа на общих нарах под одной крышей. Тела духов были несравненно чище живой плоти: исчез едкий запах пота, тяжелое дыхание и тот теплый, удушливый дух живого человеческого скопища. Всё это сменилось холодом, который люди прозвали «мертвечинкой».

— Здорово, дружище! От тебя сегодня и впрямь несет мертвечинкой!

— От тебя тоже, не сомневайся.

Так они подтрунивали друг над другом.

Отсутствие естественных нужд избавляло от множества хлопот, но люди всё равно могли болеть и истекать кровью. А если у кого-то случалось нагноение, то невообразимое зловоние скапливалось в одном месте. Трудно было сказать, о чем думал каждый из них в отдельности, но...

— Раньше нам тоже приходилось нести повинность, — старый Баша взмахнул косой, срезая длинные стебли пушистого ситника.

Этой травой застилали общие нары — она была мягкой и хорошо держала тепло, хотя и быстро приминалась. Тогда приходилось стелить новую.

— Вот только работали мы на королей, епископов и дворян. Ворочали огромные камни, возводя дворцы для господ, а дадут ли нам хоть корку хлеба, чтобы не протянуть ноги, зависело лишь от их милости.

— И то правда.

— Но чтобы копить лес на собственный дом... Такого я еще не видывал. Хотя, по совести сказать, я так до конца и не понял, что на уме у нашего лорда.

— Может, господин Вирадуан знает?

— Возможно. Будь это место каким-нибудь райским садом, еще куда ни шло, но ведь кругом преисподняя... Если уж в аду такое затеяли, то каково же тогда в раю?

— Ого, неужто вы в рай нацелились? — Адам, не удержавшись, вставил свои пять копеек. — Может, сразу в божьи посланники подадитесь? Ха-ха!

Язвительный Адам не успел добавить свое любимое «козлиный дух ничем не перешибешь», как наткнулся на гневные взгляды. Ему вовсе не хотелось, чтобы на него снова подали коллективную жалобу, поэтому он благоразумно прикусил язык.

— Я бы советовал вам не больно-то радоваться, — проворчал он чуть тише. — Никто не говорил, что дома отдадут вам в собственность. Слышите? Никто этого не обещал! Эти дома, как по мне, всё равно останутся за лордом, а мы будем лишь жильцами. Демон вовсе не обязан строить нам жилье задаром — это мы должны вкладывать свои силы и лес. А потом, когда ему вздумается, он вышвырнет любого... В этом мире ничего не дается просто так, хм.

— Скажешь тоже! А когда ты на господ спину гнул, тебе те дома разве отдавали?

— Ой, ладно вам, бросьте. Мы это уже сто раз обсуждали. Скучно. Лучше подумайте о том, что будет дальше.

— Да еще когда оно будет! Чтобы на целый дом дерева навалить, нужно не меньше полугода топором махать. Если уж тебе так невмоготу терпеть юнца Хейдона под боком, ступай на пару дней к мельнице, передохни.

— Ах ты, паршивец! — Баша зачерпнул горсть травы и со смехом швырнул в собеседника. — Всюду тебе надо влезть!

Поскольку лишь немногие попадали в Преисподнюю вместе с родными, большинство обитателей поместья были друг другу чужими. Но со временем среди них начал зарождаться странный обычай — искать себе «родню» среди соратников. Человек — существо, которое не выносит одиночества. Молодые девушки стали звать матушками женщин постарше, а старики

хвалили чужих сыновей, называя их молодцами. Поначалу это было лишь игрой, способом скоротать время, но постепенно в эти слова начали проникать крупинки искреннего чувства. Пусть пока его было совсем немного... совсем чуть-чуть...

— Благодарю вас... Ваше Высочество...

Песфрие низко поклонился лорду.

— Пустое, — отозвался Фарфадэ. — Я уже почти забыл о твоём существовании.

Бард на мгновение лишился дара речи.

— Возможно, — мягко заметил Песфрие, — вам стоит хоть немного заботиться о самолюбии подчиненных?

— Мне многие это советуют, — отрезал Фарфадэ, — но меняться или нет — зависит от моего настроения. Вижу, жизнь у тебя вполне сносная?

При этих словах бродячий бард едва не разрыдался.

Старик Гвидо, потирая руки, в свое время заявил: «Ну всё, теперь-то я свободен! Переписью книг пусть занимается кто-то другой, а я уйду в алхимию, ха-ха-ха!» И это при том, что раньше он с таким упорством стремился навести в библиотеке идеальный порядок. Он даже изводил плотника, требуя поскорее закончить шкафы, так что бедолага-мастер под конец дня старался проскользнуть на кухню незамеченным. Но страсть Гвидо к порядку угасла так же внезапно, как и вспыхнула.

Вероятно, это и была та самая черта великих алхимиков — мгновенно остывать к старому ради нового.

Однако Песфрие вовсе не заменил Гвидо в библиотеке. Его прямым утащили в лабораторию и назначили «старшим по мытью реторт».

По совместительству — переписчиком результатов опытов.

Он провел в компании Гвидо несколько дней, пока Фарфадэ, работавший в дальнем углу библиотеки, вдруг не спохватился: «Погодите-ка... Кроме Хельзе, приносящей новую тушь, здесь должен быть еще один дежурный смотритель, верно?»

Так несчастная «автоматическая мойка для склянок» — то есть Песфрие — был легким жестом лорда освобожден от однообразной рутины.

Фарфадэ, пообещав себе позже найти Гвидо другого добровольца, кивком указал на стол и вручил барду распорядок дня. В него входили: поддержание чистоты, составление каталогов и строжайшее предписание не мешать лорду работать. Изредка Песфрие должен был выполнять мелкие поручения.

«В наше время, — думал Фарфадэ, — даже героям приходится осваивать офисную работу».

Найти грамотных людей было можно, но тех, кто способен разобраться в хитросплетениях библиотечного каталога, было ничтожно мало. Книги на демоническом языке были обернуты в новые переплеты и отправлены в закрытую секцию. Остальные тома постепенно спускались с книжных гор, возвращаясь на свои законные места. Песфрие, не проронив ни слова жалобы, со смиренной улыбкой принялся за дело.

Впрочем, Фарфадэ своим острым чутьем заметил, что бард явно хочет о чем-то спросить. Но, к сожалению, за всё то время, что лорд провел в библиотеке, Песфрие так и не решился вымолвить ни слова.

Водяные часы в главном зале уже наполнились до краев. Каждые три капли отсчитывали секунду, неустанно лоя и собирая воедино незримые мгновения. В чистую колодезную воду кто-то бросил цветы с дурманящим ароматом: алые, пурпурные, розовые, зеленые... Точно такие же цветы прекрасного ароматного дерева ежедневно вплетали в волосы местные девушки. Все знали, что эта красота таит в себе яд, но этот аромат... Этот аромат помогал обуздать дикого скакуна по имени Веселье. А раз так — пусть будет.

Когда очередной бассейн, символизирующий месяц, наполнился до краев, настало время ясных, безоблачных дней. Лунный свет залил безмолвные залы старинного замка. И в этот день, когда никто не ждал, свершилось то, чего так долго желали и чего втайне боялись.

В один из таких неприметных погожих дней пшеница наконец созрела.

В тот день все лица сияли радостью. Люди вздохнули с облегчением, будто вожжи судьбы наконец оказались в их собственных руках. Даже самые усердные труженики, собиравшие лес на жильё, отложили топоры. Безмолвие было разорвано смехом и песнями; по поместью, словно табуны резвых коней, пронеслось ликование. Золотисто-красные поля пшеницы на миг пробудились от долгого сна под порывами ветра, озарили глаза людей ярким светом — и снова затихли.

Фарфадэ стоял на самой высокой башне замка, вслушиваясь в далекие отзвуки праздничного рева.

Шаловливый ветер подхватил кончики его зеленых волос, поиграл с ними мгновение и

осторожно отпустил.

Пять дней спустя сбор урожая был полностью завершен. Так в этом мире зародился первый праздник. Отныне и вовеки этот день будет именоваться Фестивалем Урожая.

<http://bllate.org/book/16116/1585484>